

между ними и разлучает их так, как не могли разлучить ни страдания, ни беды. Но ее собственная любовь была так велика, что всякое подозрение само по себе было для нее нестерпимо. Поэтому она нашла способ послать тайком в Германию одного верного слугу, и не для того, чтобы он передал мужу какое-либо поручение, письменное или устное, а чтобы последил за ним и рассказал ей потом всю правду. Вернувшись, слуга сообщил ей, что бастард действительно без памяти влюблен в одну знатную немку и что даже ходят слухи, что он собирается на ней жениться, ибо она богата. Известие это так опечалило бедную Роландину, что, не в силах справиться со своим горем, она тяжело захворала. Те, кто знал причину этой болезни, стали от имени отца твердить, что, коль скоро она убедилась в вероломстве бастарда, она теперь могла бы легко расстаться с ним, и пытались ее всячески к этому склонить. Но, как ни тяжело она страдала, не было никакой возможности заставить ее изменить свое решение. Это было последним испытанием, которое доказало, сколь велики добродетель ее и любовь. Ибо, по мере того как его чувство к ней ослабевало, ее любовь росла и, несмотря ни на что, оставалась беззаветной и самозабвенной, восполняя собою все, чего недоставало в любви бастарда. И когда она увидела, что чувство, которое еще недавно они делили между собой, сосредоточилось теперь только в ее сердце, она решила, что будет свято оберегать его до тех пор, пока один из них не умрет. Но благость господня, которая есть истинная любовь и совершенное милосердие, сжалилась над ее страданием и долготерпением, – в скором времени, домогаясь любви другой женщины, бастард умер. Когда те, кто присутствовал на его похоронах, сообщили ей об этом, она послала сказать отцу, что просит его поговорить с ней. Отец, который с того дня, как заточил ее в замок, ни разу ее не видел, тут же отправился к ней. Внимательно ее выслушав, он не стал ничем корить ее и уже не угрожал убить, как это делал раньше, а вместо этого обнял ее и со слезами сказал:

– Дочь моя, правда на твоей стороне, ведь если ты и совершила проступок, виноват в этом я сам. Но, коль скоро господь так рассудил, я не стану вспоминать прошлое.

И, приведя Роландину к себе в дом, он окружил ее всей той заботой, на которую она имела право как старшая дочь. И к ней посватался один дворянин, состоявший с ними в родстве и имевший тот же герб, человек рассудительный и достойный. Часто бывая в их доме, он проникся к ней великим уважением и воздавал ей хвалу именно за то, за что другие ее порицали, ибо понимал, что помыслы ее возвышенны и чисты. Брак этот был по душе как самой Роландине, так и ее отцу, – и долго не раздумывая, они поженились. Правда, брат ее, бывший единственным наследником, не хотел выдать причитающуюся ей часть наследства под предлогом того, что она ослушалась отца. И когда старик умер, он так плохо с ней обошелся, что Роландине и мужу ее, который был младшим в роду и не имел никакого состояния, жить было очень трудно. Но господь милостив: брат, который хотел присвоить все отцовское состояние, неожиданно умер, и в один прекрасный день им досталось все наследство отца. Таким образом Роландина стала владелицей большого, хорошего дома, где она достойно и благочестиво прожила остаток дней своих, любимая мужем. И уже после того, как она вырастила двоих сыновей, которых ей и супругу ее послал господь, она радостно отдала свою душу тому, в кого свято верила всю свою жизнь.

– А теперь, благородные дамы, я хочу, чтобы мужчины, которые столько твердят о нашем непостоянстве, рассказали о ком-нибудь из них, кто был бы достойным супругом и добродетелью своей и верностью мог соперничать с этой женщиной. Я уверена, что сделать это так трудно, что лучше уж, пожалуй, оставить их в покое и не обременять столь непосильной задачей. А вас я молю, не порочьте нашу славу – или не любите нас вовсе, или любите истинною любовью. И не говорите, пожалуйста, что девушка эта запятнала чем-нибудь свою честь, – напротив, стойкостью своей она возвеличила честь всех нас, женщин.

– Право же, Парламанта, – сказала Уазиль, – вы рассказали нам историю женщины поистине благородной и великодушной. Но ее достоинства еще больше выигрывают оттого, что муж ее оказался человеком бесчестным и способным покинуть ее ради другой.

– По-моему, труднее всего ей было вынести именно это, – сказала Лонгарина. – Нет такого тяжелого груза, которого любовь не могла бы поднять легко, если оба любят с равной силой. Но если один уклоняется и всю тяжесть готов взвалить на другого, тому никак не справиться с этой ношей.

– Вы должны бы пожалеть нас, – сказал Жебюрон, – ведь это мы несем на себе всю тяжесть любви, а вы и пальцем не пошевелите, чтобы нам стало полегче.